

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №3, Том 11 / 2020, No 3, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Габышева Л.Л. Проблема трансформации текста: смысловые и структурные связи малых жанров якутского фольклора // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Gabysheva L.L. (2020). The problem of text transformation: semantic and structural connections of small genres of Yakut folklore. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/34FLSK320.pdf> (in Russian)

УДК 8.398

ГРНТИ 17

Габышева Луиза Львовна

ФГОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск Россия

Профессор

Доктор филологических наук, доцент

E-mail: ogonkova-jenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=178098

Проблема трансформации текста: смысловые и структурные связи малых жанров якутского фольклора

Аннотация. Предметом исследования является семантическое сходство малых жанров якутского фольклора и трансформация их текста по определенному алгоритму. С помощью структурно-семиотического анализа автор приходит к выводу, что якутские загадки, пословицы, притчи, этиологические сказки передают одно и то же сообщение, трансформируя его форму сообразно своим жанровым особенностям. В центре загадки, пословицы и мифа может находиться один и тот же предмет или его признак, при этом каждый текст будет интерпретировать его по-своему, сообразно своей жанровой природе. Новизна работы состоит в новом аспекте изучения явления трансформации текста, а именно как одного из семиотических механизмов устной коллективной памяти. Как известно, проблема трансформации текста связана с пониманием его как знака, который способен «свернуться», «развернуться» и трансформироваться по определенным правилам. Пословицу можно описать как притчу, свернутую в одно лаконичное высказывание и, наоборот, притча – это развернутая в текст пословица или поговорка. В этих случаях мы имеем дело с компрессией информации и вместе с тем с ее избыточностью, необходимой в условиях устной передачи сообщения через время и пространство. Семантические и структурные связи малых жанров фольклора демонстрируют механизм консервации и хранения культурной информации в условиях бесписьменного общества. Культура, постоянно вырабатывая наиболее выгодные и компактные способы хранения и передачи информации, перемещает границы между текстами, переводит их из одной системы знаков в другую. В способности фольклорного текста к трансформации обнаруживается динамизм, гибкость культуры как информационной системы. Статья написана на основе диссертационного исследования автора «Слово в контексте мифопоэтической картины мира», защита которого состоялась в РГГУ (Москва) в 2003 году.

Ключевые слова: паремии; якутский фольклор; трансформация; структура; текст; семантика; знак; устная память

Введение

Мысль о сведении сказок к пословицам и поговоркам и, напротив, развитии пословиц в большие сюжетные повествования, свертывании структуры ритуала до слова и т. д. была высказана еще А.А. Потебней в лекциях по теории словесности, прочитанных им в Харьковском университете в 1880-е годы [1]. Специалисты не раз отмечали структурно-семантическое сходство малых жанров фольклора, на котором основан переход паремий из одного типа в другой. Как отмечает Г.Л. Пермяков, практически каждый тип паремий может трансформироваться в другой [2, с. 260]. Семантическая и структурная общность фольклорных жанров, а также вопросы их трансформации давно изучаются на материале культуры различных народов мира; в якутской же фольклористике в данном направлении делаются только первые шаги.

Пословицы и притчи

Являясь знаками типичных ситуаций, обобщением жизненного опыта и поучением, пословицы и поговорки тесно связаны со сказками назидательного характера, или притчами. Вовсе не случайно отождествление в народных воззрениях пословицы и притчи¹: «Пословица – это притча старины». История назидательного характера «выталкивает» на поверхность текста квинтэссенцию своего смысла – паремию как название сказки. Так, в «Якутских сказках» (1967) тринадцать текстов имеют в качестве названия паремию. Выступая названием сказки, пословица как бы замещает весь ее текст. «Текст стремится превратиться в отдельное “большое” слово с общим единым значением» [3, с. 63]. Являясь важным механизмом памяти культуры, паремия, подобно символу², способна сохранять в свернутом виде исключительно обширную и значительную информацию. Этому способствуют ее художественные особенности: четкая композиционная структура, ритмичность (принцип «слово-стопов» [4, с. 347]), метафоричность, параллелизм различного типа и т. д. Паремию можно описать как притчу, свернутую в одно лаконичное высказывание и, наоборот, притча – это есть развернутая в текст пословица или поговорка. С этой точки зрения, новым смыслом наполняется якутская поговорка «*Өс хоһооно, уос (өсүк) номоҕо буолбут*. Стало поводом для пословицы и притчи» [5, стлб. 1762].

Текст притчи во многих случаях логически завершается той или иной пословицей, которая вводится в текст с помощью постоянной формулы: «*Онтон ыла саха норуотугар өс хоһооно хаалбыт...* С тех пор у якутского народа пошла поговорка...». Можно сделать заключение, что название или концовка текста популярной притчи могут функционировать как пословица или поговорка.

Кроме того, сама сказка-притча, как практически любой фольклорный текст, изобилует речевыми формулами; с помощью паремий описывается, например, сила богатыря: «*Кус быһый, ат бөҕө*. Резвый, как утка, сильный, как конь»; его охотничья удача: «*Бууру мунуттан, эһэни сабырбаһыттан, бөрөнү бөртөлөөбүттэн сиэтэр киһи*. Он такой человек, что водит

¹ Притча – в терминах «народной» якутской номенклатуры *номох*, пословица – *өс хоһооно*, поговорка – *өс номоҕо*.

² Напомним, что, по определению Г.Л. Пермякова, пословичные изречения как знаки относятся к языку, а как модели принадлежат фольклору [2, с. 252].

лося за ноздри, медведя – за загривок, волка – за лапы» и т. д. Интерес представляет тот факт, что наиболее избобилуют формулами начало и конец фольклорного текста, как бы обрамляя его. «Отмеченность “конца” или “начала” или и того и другого вместе составляет особенность вторичных моделирующих систем» [6, с. 427].

Паремии могут не цитировать текст сказки, а прямо отсылать слушателя к известному сюжету. Отсюда значительная часть поговорок содержит послелог *дылы* ‘подобно тому...’ или выражение *диэбиккэ дылы* ‘как говорится...’. Это своего рода формальный показатель пословиц и поговорок. Например, поговорка – «*Кутуйаах чооруос икки дьуккаахтаспыттарыгар дылы*. Подобно тому, как были соседями мышь с чечеткой» – указывает на сказку, повествующую о том, как мышь (вариант: водяная крыса) обманула доверчивую птичку³. Всего, по нашим наблюдениям, около тридцати пословиц и поговорок имеют прямую связь с сюжетами сказок-притч.

Смысл некоторых пословиц и поговорок понятен только в контексте того или иного повествования, например: «*Хата мин саңарбатым. А я промолчала*». Или: «*Логлу-логлу. Целиком-целиком*». «*Хара тыһабастан хаххаланан сытан күөлтэн уулаайабын*. Не пейте воду из озера, спрятавшись за черной двухгодовалой телкой» и др. Подобные пословичные изречения, «оставаясь знаками тех или иных жизненных (или мыслимых) ситуаций, сами эти ситуации не моделируют. Мы понимаем их смысл, так как помним контекст, из которого они взяты (и который как раз и содержит нужную нам модель)» [2, с. 252].

Загадки и этимологические мифы

Значительное количество смысловых параллелей обнаруживается между загадками и этимологическими мифами⁴. Специалисты считают, что «наличие четкого соотношения двух планов делает загадку образцом семиотического объекта» [7, с. 703]. Между паремией и мифом наблюдается также структурная симметрия. Загадка есть вопрос, который требует ответа; этимологический миф выступает как ответ, содержащий в себе вопрос. Другими словами, текст этимологического мифа, подобно загадке, тоже имеет вопросно-ответную структуру. В этом отношении примечательны заглавия якутских этимологических мифов: «*Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолта*. Как почернел кончик хвоста у горностая»; «*Мас көтөрдөрүгэр мэн хаалыта*. Как у лесных птиц появилось родимое пятно»; «*Муңур кутуруга суох буолта*. Как ласка осталась без хвоста»; «*Кэбэ уйа туттубат буолта*. Почему кукушка перестала вить себе гнездо» и др. А конец текста этимологических мифов строится как ответ на поставленный вопрос: «*Ол иһин... Вот почему...*», или «*Онтон ыла... Оттого*», или «*Онон... Потому...*». Этимологический миф разъясняет и поясняет нечто слушателю, загадка ставит слушателя в затруднительное положение. С этой точки зрения, загадка может быть представлена как нечто обратное этимологическому мифу, а отношение между ними – как отношение зеркальной симметрии.

Загадка загадывает денотат по его отличительным признакам, этимологический миф объясняет отличительные признаки предмета. При этом, как показывает якутский материал, в основе и загадки, и этимологического мифа, например, о каком-либо животном, может лежать один и тот же ключевой признак, и, таким образом, у них совпадают образные части

³ Якутские сказки: В 2-х томах. Т. I. Якутск, 1964, с. 71.

⁴ В якутской фольклористике данные тексты относят к сказкам о животных. Г.У. Эргис называет их этимологическими сказками [4, с. 216]. На наш взгляд, эти тексты представляют собой этимологические мифы: им присуща специфичная для мифа этимологическая функция; время действия отнесено к глубокой древности. Как известно, этимологические мифы слабо сакрализованы, что и могло послужить причиной причисления якутских этимологических мифов к сказкам о животных.

мотивировок. Так, в загадках о бурундуке ключевым признаком будет его окраска; этиологический миф объясняет, как бурундук стал рыжим и полосатым⁵. Самая многочисленная группа загадок о коне – это тексты, обыгрывающие отсутствие у него желчного пузыря: «*Үтүө киһи кыалыктаах хатата суох үһү*. Говорят, у доброго молодца нет мешочка с кремнем-огнивом». Весьма популярен миф, объясняющий происхождение этого отличительного признака животного. Текст его заканчивается так: «*Дьэ, онтон ыла сьлгы сүөһү үөһэ суох буолбут...* Оттого у лошадей нет желчи...»⁶. Миф о гагаре и вороне сосредоточен на объяснении таких признаков гагары, на которых строится загадка о гагаре: «*Ээ, татат эриэн оҕо*. Ой-ой, какое пестрое дитя». «*Такайдаан таллан эриэн баар үһү*. Есть, говорят, полосато-пестрая криволапушка»⁷. Миф объясняет происхождение окраса оперенья и кривых ног птицы, а загадка «скрывает» под этими признаками гагару.

В некоторых случаях ключом к загадке может послужить знание соответствующего текста мифа. Например, трудно отгадать скрытый денотат следующей загадки: «*Халлааны хайыта суруйдарбын дэнэр баар үһү*. Некто небеса исполосовать-разодрать грозит, говорят». Отгадка: *үгүрүө* ‘бекас’. Загадка перекликается с древним мифом, согласно сюжету которого бог-создатель дал бекасу только четыре яйца, а маленькой птичке чирку – двенадцать, вот и пугает бекас бога⁸: «*“Бу үлүгэр баттыгаска сьлдьыах кэриэтин, үнтү түһэн өлбүт ордук!” – диэн баран үөһэттэн сиргэ күһүгүрөөн түһэр эбит*. “Лучше мне разбиться и умереть, чем переносить такую несправедливость!” – говорит и стрелой падает вниз, издавая громкий свистящий шум»⁹. Как видно из приведенных примеров, загадки обладают высокой информативной насыщенностью и способны передавать большой объем информации на участке небольшого по размерам текста.

Смысловые и структурные связи малых жанров фольклора

Смысловые параллели наблюдаются не только между загадками и этиологическими мифами, к ним примыкают пословицы с поговорками.

Семантическая общность малых жанров фольклора проявляется в некоторых совпадениях их текстов. Так, в якутском фольклоре очень популярен образ хвастливой лягушки-наездницы, который как бы кочует из жанра в жанр. В поговорке о хвастливом человеке, попавшем впросак, говорится: «*Баҕа аттамытыгар дылы*. Подобно тому, как лягушка верхом ездил». Поговорка отсылает слушателя к сюжету, известному под названием «*Баҕа аттамыта*. Как лягушка верхом ездил». Существует и загадка о лягушке, текст которой практически совпадает с песней лягушки из упомянутого сюжета:

Өлөң от үңүүлээх,

Манчаары от батастаах,

Кылыс от кымньылаах,

Көптөх от тэллэхтээх,

⁵ Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, с. 136–137.

⁶ Якутские сказки: В 2-х томах. Т. I. Якутск, 1964. с. 107.

⁷ Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, с. 128, с. 145.

⁸ Напомним, что в якутском языке и бог, и небо могут обозначаться одним словом *таңара*.

⁹ Якутские сказки: В 2-х томах. Т. I. Якутск, 1964. с. 92.

*Көмүс эмэх таңастаах,
Кылабадаһын кыыс, сүүрэн иһэн
Тас иэнинэн тиэрэ
Түһэн хаалбыт үһү.
С копьём – из болотной травы,
С пальмой – из осоки-травы,
С кнутом – из травы-горечавки,
С подстилкой – из тины-травы,
В одеянии из серебристой трухи,
Дева Кылагадасын-Блестящая
Рысью помчалась
Да навзничь опрокинулась!¹⁰*

Чтобы разгадать эту поговорку, надо знать текст указанной сказки. Следует учитывать, что тексты малых жанров фольклора имели обучающий характер, и повторение в различных вариациях одной и той же информации могло преследовать и дидактическую цель.

В центре загадки, пословицы и мифа может находиться один и тот же предмет или его признак, при этом каждый текст будет интерпретировать его по-своему, сообразно своей жанровой природе. Ключевым является, например, слово *бэлиэлээх* ‘меченый, с отметиной’ в загадке о черном кончике хвоста у горностая (*кырынаас кутуругун харата¹¹*): «*Бэрт киһи бэйэтигэр бэлиэлээх. Добрый молодец на себе мету имеет*»¹². Этимологический миф «*Кырынаас кутуругун төбөтө хара буолта. Как почернел кончик хвоста горностая*» объясняет, как горностай получил отметину. Заканчивается текст мифа констатацией: «*Онтон ыла кырынааһы – “бэлиэлээх” диэн ааттаабыттара. С тех пор горностая “меченым” зовут*»¹³. Пословица поучает и обобщает: «*Оннооһор кырынаас бэлиэлээх. Даже горностай имеет отметину*», т. е. все сущее, все предметы имеют свои приметы и особенности¹⁴. Текст может быть «сжат» и свернут в одно слово – в табуированной речи охотников известен эвфемизм горностая *бэлиэлээх* ‘меченый’ [8, с. 137]. Во всех этих случаях передается одно и то же сообщение, но в различной форме, при чем меняется не только объем текста, но и его внутренняя структура; трансформация происходит по определенным правилам.

Рассмотрим другой пример. Так, о налимьей печени существует загадка, этимологический миф; упоминается печень налима и в одной из поговорок. В загадке объект кодируется через несоразмерно большие предметы (чашу, бревно), ключевым будет также признак ‘жирный’: «*Байбалга (үрэх иһигэр) сыа таас түһэ сытар үһү. В водный простор (в речку), упав, жирный*

¹⁰ Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, 116.

¹¹ Ответ на загадку практически совпадает с названием мифа, объясняющего, как почернел кончик хвоста у горностая.

¹² Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, с. 137.

¹³ Якутские сказки: В 2-х томах. Т. I. Якутск, 1964. с. 65.

¹⁴ Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. Якутск, 1965, с. 153.

камень лежит»¹⁵. Миф «Лиса и налим» рассказывает о том, как суд наказывает налима за обман: суживает ему хвост, уменьшает тело, зато наделяет налима большой жирной печенью. Пословица – «*Сыалыһар сыа быардаммытыгар дылы*. Подобно тому, как налим имеет печень из жира», – высмеивая хвастовство, отсылает собеседника к известному сюжету¹⁶.

Миф «Как ворона стала черной» содержит следующие основные мотивы: ворона похвастается, что прилетает каждую весну раньше всех птиц; птицы наказывают хвастливую ворону за нежелание поделиться секретом столь раннего прилета и бросают ее в костер¹⁷. Некоторые мотивы этого сюжета отражены в загадках о вороне: «*Саас аайы хара булуус сонноох киһи кииргиир үһү*. Говорят, каждую весну некто в черной плюшевой шубе хвастается». Поговорка – «*Саңа кэлбит тураах курдук*. Подобно вороне, которая только прилетела» – высмеивает хвастливого человека¹⁸.

Одно и то же сообщение кодируется различными способами: в форме загадки или поучения, развернутого сюжетного текста или ссылки на этот сюжет – в этих случаях мы имеем дело с компрессией информации и вместе с тем с ее избыточностью, необходимой в условиях устной передачи сообщения через время и пространство.

Исследователи не раз обращали внимание на случаи перехода паремий из одного типа в другой. Эта особенность способствовала тому, что загадки долгое время публиковались не только в одних сборниках с пословицами, но и не отделялись от них. Современные фольклористы делают предположение что «в культурах, где отсутствуют или редко употребляются пословицы, не употребляются или почти не употребляются загадки. Наличие одного из них предполагает наличие другого». Ср. как определяется загадка: «это задаваемый собеседнику вопрос в виде сравнительно трудной для понимания пословицы...» [9, с. 22, с. 27]. И загадка, и пословица имеют конструкцию «тема – толкование». Правда, в загадках о смысле дескриптивного элемента надо догадаться, тогда как в пословицах дескриптивный элемент, как правило, указывается.

Благодаря сходству внутренней структуры и способа описания предмета для трансформации пословицы в загадку, достаточно в некоторых случаях исключить из пословичного предложения подлежащее и сделать его ответом (отгадкой) или заменить подлежащее подставным именем. Необходимо также переключить формальные показатели жанров – *дылы* ‘подобно’ и *үһү* ‘говорят’, например, существует пословица: «*Ураанай маңан туоһахтаалааҕар дылы*. Подобно тому, как утка-лысуха имеет белую отметину». По семантической структуре к ней близка загадка: «*Өлүөхүмэ кыыһа маңан туоһахтаалаах үһү*. Говорят, олекминская дева имеет белую отметину». Ответ – *ураанай* ‘утка-лысуха’. Про богача существует поговорка: «*Сутуругар сокуоннаах, ытыһыгар ыйаахтаах*. Закон в кулаке, указ – в его ладони»¹⁹. Эта пословица функционирует и как загадка: «*Сутуругар сокуоннаах, ытыһыгар ыйаахтаах баар үһү*. Есть (некто), у кого закон в кулаке, указ в ладони»²⁰. Варьирование переходит в трансформацию. То и другое отделить подчас невозможно [10, с. 191].

¹⁵ Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, с. 118.

¹⁶ Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. Якутск, 1965, с. 122.

¹⁷ Якутские сказки: В 2-х томах. Т. I. Якутск, 1964. с. 92–94.

¹⁸ Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. Якутск, 1965, с. 131.

¹⁹ Сборник якутских пословиц и поговорок / Сост. Н.В. Емельянов. Якутск, 1965, с. 38.

²⁰ Саха таабырыннара. Якутские загадки. Якутск, 1975, с. 216.

Пересечение текстов паремий происходит при условии их тематической близости, когда скрытым денотатом загадок являются те или иные черты человеческого характера или другие этические категории – тема, типичная для пословиц и поговорок. «*Күннээбэр сырдык баар үһү. Что светлее солнца?*» – вопрошает загадка. «*Кырдьык күннээбэр сырдык. Правда светлее солнца*», – как бы отвечает пословица.

Заключение

Итак, между малыми жанрами фольклора наблюдается структурно-семантическое сходство: у них могут совпадать образные части мотивировок, между ними наблюдаются отношения структурной симметрии. Они обладают высокой информативной насыщенностью и способны передавать большой объем информации на участке небольшого по размерам текста. Семантические и структурные связи малых жанров фольклора демонстрируют механизм консервации и хранения культурной информации в условиях бесписьменного общества. Культура, постоянно вырабатывая наиболее выгодные и компактные способы хранения и передачи информации, перемещает границы между текстами, переводит их из одной системы знаков в другую. В способности фольклорного текста к трансформации обнаруживается динамизм, гибкость культуры как информационной системы.

Взаимосвязи малых жанров фольклора далеко не исчерпываются представленным материалом. Они тесно связаны с поверьями, поэтическими тропами, эвфемизмами, историческими преданиями и т. д. Проблема семантических и структурных связей паремий с другими жанрами фольклора требует дальнейшего и всестороннего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьков, 1930. 130 с.
2. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
4. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3-х т. Якутск, 1958–1959.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
7. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино. Поэтика. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1998. 912 с.
8. Павлова И.П., Габышева Л.Л. Языковые средства и способы номинации в табуированной речи (на материале якутского языка) // Вопросы филологии: Сб. научных трудов. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1995. С. 133–139.
9. Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 13–34.
10. Путилов Б.Н. Вариативность в фольклоре как творческий процесс // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. памяти С.А. Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 180–197.

Gabysheva Luiza L'vovna

M.K. Ammosov North-Eastern federal university, Yakutsk, Russia

E-mail: ogonkova-jenya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

РИИЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=178098

The problem of text transformation: semantic and structural connections of small genres of Yakut folklore

Abstract. The subject of this research is the semantic similarity of small genres of Yakut folklore and the transformation of their text according to a specific algorithm. With the help of structural and semiotic analysis, the author comes to the conclusion that Yakut riddles, proverbs, parables, etiological tales convey the same message, transforming its form in accordance with their genre characteristics. In the center of the riddle, proverb and myth may be one and the same object or its feature, and each text will interpret it in its own way, in accordance with its genre nature. In the center of the riddle, proverb and myth may be the same object or its feature, and each text will interpret it in its own way, in accordance with its genre nature. The novelty of the work lies in a new aspect of studying the phenomenon of text transformation, namely, as one of the semiotic mechanisms of oral collective memory. As you know, the problem of transforming a text is associated with understanding it as a sign that is able to “curl up”, “unfold” and transform according to certain rules. A proverb can be described as a parable folded into one laconic statement, and, conversely, a parable is a proverb or saying expanded into a text. In these cases, we are dealing with the compression of information and, at the same time, with its redundancy, which is necessary in the conditions of oral transmission of messages through time and space. Semantic and structural connections of small genres of folklore demonstrate the mechanism of conservation and storage of cultural information in a non-literate society. Culture, constantly developing the most profitable and compact ways of storing and transmitting information, moves the boundaries between texts, translates them from one system of signs to another. Dynamism and flexibility of culture as an information system are revealed in the ability of a folklore text to transform. The article is written on the basis of the author's dissertation research "The Word in the Context of the Mythopoetic Picture of the World", which was defended in 2003 at the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Keywords: paremia; Yakut folklore; transformation; structure; text; semantics; sign; oral memory